

Давайте рассмотрим черепаху и орла.

Черепаха — существо, живущее на земле. Ближе к земле жить невозможно, если, конечно, не закопаться в нее. Черепашьи горизонты ограничены несколькими дюймами, а скорость передвижения вполне достаточна, чтобы догнать лист салата. Пока вся эволюция мчалась вперед, черепаха выжила за счет того, что не представляла ни для кого практически никакой угрозы, в то время как съесть ее было достаточно трудно.

Ну а орел? Это существо неба и горных вершин, поле зрения которого простирается до самого края мира. Зрение орла настолько остро, что он с полумили замечает шевеление мелкого писклявого существа. Абсолютная сила, абсолютный контроль. Молниеносная смерть на крыльях. Острые когти и клюв позволяют съесть все, что меньше размером, и урвать кусок того, что размером побольше.

Тем не менее орел часами сидит на скале и обзревает свои владения, пока не заметит движение вдаль и не начнет концентрировать, концентрировать, *концентрировать* свой взгляд на маленьком панцире, движущемся по пустыне. Вот он *взлетает...*

И буквально через минуту черепаха чувствует, как мир ее куда-то падает. А потом она видит все тот же мир, но не в дюйме от носа, а с высоты пяти

тысяч футов и думает: «Надо же, какого замечательного друга приобрела я в лице орла».

А затем орел ее отпускает.

И почти всегда черепаха падает на землю. Каждый знает, почему черепаха падает. Сила тяжести — это привычка, от которой трудно отказаться. Но никто не знает, почему так поступает орел. Черепаха — не самый плохой ужин, но, если учитывать все приложенные усилия, практически любая другая еда может показаться не менее вкусной. Скорее всего, орлы просто получают удовольствие от мучений черепахи.

Чего орел не осознает, так это того, что на самом деле он является активным участником грубого естественного отбора.

Когда-нибудь черепаха научится летать.

Эта история произошла в пустыне янтарного и оранжевого цвета. Когда она началась и закончилась, сказать проблематично, но по крайней мере одно из ее начал состоялось в тысячах миль от той пустыни — высоко-высоко в горах, что раскинулись вокруг Пупа¹.

Одним из насущных философских вопросов является следующий:

«Предположим, в лесу падает дерево, так производит ли оно шум, если его никто не слышит?»

Сама постановка вопроса немало говорит о природе философов, ведь в лесу всегда кто-нибудь есть. Это может быть барсук, недоумевающий, что это там так затрещало, или белка, несколько удивлен-

¹ Который приверженцы омнианства упорно называют Полюсом.

ная тем, что весь пейзаж вдруг перевернулся вверх ногами. В общем, обязательно кто-нибудь да есть. А если дело происходит в самой чаще, то шум рухнувшего дерева услышат миллионы мелких богов.

События происходят, одно за другим. Им совершенно все равно, кто о них что знает. Но вот история... с историей дело обстоит по-другому. История требует наблюдения, в противном случае она перестает быть историей и становится... э-э... становится событиями, происходящими одно за другим.

Кроме того, историей нужно управлять, в противном случае она может превратиться во что угодно. Потому что история, вопреки всяческим популярным теориям, — это прежде всего короли, даты и битвы. Все должно происходить в строго определенное время, что достаточно трудно. В объятый хаосом вселенной много чего случается не вовремя. Боевой конь генерала запросто может потерять подкову, кто-то не расслышит приказ, или курьера, перевозящего жизненно важное сообщение, перехватят по дороге грозные мужики с дубинами и денежными проблемами. А еще существуют всякие нелепые небылицы, которые паразитируют на древе истории и стараются изогнуть его по-своему.

Однако у истории есть свои опекуны.

Они живут... в общем-то, они живут где попало, но их *духовный* дом находится в скрытой от глаз долине, что затерялась в Овцепикских горах Плоского мира. В этой долине хранятся книги истории.

Исторические книги бывают разные. Есть такие, которые нашпигованы событиями прошлого, будто кляссеры марками. Но эти книги — другие. Из них происходит сама история. Всего здесь книг двадцать тысяч; каждая высотой десять футов, переплетена в свинец, а буквы на страницах настолько мелкие, что

их можно разглядеть только через увеличительное стекло.

Есть такое выражение: «Как говорится...» Ну так вот, говорится это именно здесь.

Метафор на свете значительно меньше, чем принято полагать.

Каждый месяц аббат и два старших монаха спускаются в пещеру, где хранятся книги. Сначала это являлось обязанностью только верховного аббата, но потом ему навязали двух прислужников — после достойного сожаления происшествия с пятьдесят девятым аббатом, который, ставя по мелочи на исход разных событий, сделал порядка миллиона долларов, прежде чем его поймали за руку.

Кроме того, спускаться сюда одному небезопасно. Концентрированная История, хранящаяся здесь и бесшумно просачивающаяся отсюда в мир, может быть опасной. Время — тот же наркотик. Передоз времени — и вы покойник.

Четыреста девяносто третий аббат сложил на груди морщинистые руки и обратился к одному из своих самых старших монахов, которого звали Лю-Цзе. Чистый воздух и лишенная волнений жизнь в долине способствовали тому, что все монахи были старше некуда. Кроме того, когда работаешь с самим Временем, э-э... время летит незаметно.

— Страна называется Омнией, — сказал аббат. — И расположена она на Клатчском побережье.

— Я помню, — кивнул Лю-Цзе. — Паренек по имени Урн, да?

— События подлежат... тщательному наблюдению, — добавил аббат. — Возникли затруднения. Свобода воли, предопределение... торжество симво-

лов... поворотные точки истории... В общем, ты сам все знаешь.

— Не бывал в Омнии уже лет семьсот, — покачал головой Лю-Цзе. — Засушливая державка. Во всей стране и тонны плодородной почвы не наберется.

— Медлить нельзя, — напомнил аббат.

— Я возьму с собой горы, — сказал Лю-Цзе. — Климат там для них самый благоприятный.

А еще он взял с собой метлу и циновку. Служащие истории монахи никогда не увлекались частной собственностью, ибо понимали: большинство вещей через век или два безнадежно изнашиваются.

Путь до Омнии занял четыре года. Несколько раз пришлось останавливаться — чтобы понаблюдать за парочкой битв и одним заказным убийством, иначе они бы так и прошли случайными событиями.

Был год Причудливой Змеи, а это значило, что после Завета пророка Бездона прошло целых двести лет.

И миру вот-вот должен был явиться Восьмой Пророк.

Насчет таких вещей церковь Великого Бога Ома никогда не ошибалась. Пророки — крайне пунктуальные люди. По ним можно даже сверять календарь — правда, понадобился бы очень уж большой календарь.

Всякий раз, когда ожидается появление очередного пророка, церковь удваивает свои усилия, дабы выглядеть как можно более свято. Люди бегают, всюду царит суeta — точь-в-точь как в большом концерне перед приходом ревизоров. Срочно были выработаны новые нормы набожности, и тех, чья

набожность оставляла желать лучшего, без лишних раздумий предали смерти.

Все самые популярные религии очень внимательно следят за благочестием своих прихожан, и церковь Великого Бога Ома не исключение из правил. Верховные иерархи сделали заявления, что общество катится вниз быстрее, чем на чемпионате страны по санному спорту, что ересь должна быть вырвана с корнем, а также с рукой, ногой, глазом и языком и что настало время очиститься от скверны.

Кровь всегда считалась крайне эффективным средством.

И вот настала наконец пора Великому Богу Ому поговорить со Своим Избранным, коего Брутой именовали.

— Эй, ты!

Брута замер на полувзмахе мотыгой и огляделся.

— Что-что? — спросил он.

Стоял погожий весенний денек. Молитвенные мельницы весело вертелись под дующим с гор ветерком. Пчелы бесцельно кружились вокруг цветов фасоли и громко жужжали, чтобы произвести впечатление тяжкого труда. Высоко в небе парил орел.

Брута пожал плечами и снова занялся дынями.

И тогда Великий Бог Ом снова рёк Бруте, Своему Избранному:

— Эй, ты!

Брута замялся — с ним разговаривал кто-то явно бестелесный. Вполне возможно, это был демон. Демоны... любимая тема брата Ньюрода, наставника юных послушников. Нечистые мысли и демоны. Одно вытекает из другого. Брута с тревогой подумал, что, наверное, его искушает демон.

Нужно проявить твердость и решительность. И повторить Девять Фундаментальных Афоризмов.

Но Великий Бог Ом еще раз рек Бруте, Избранному:

— Ты что, парень, совсем оглох?

Мотыга звякнула об иссушенную солнцем почву. Брута быстро развернулся. Были пчелы, был орел, в дальнем конце сада старый брат Лю-Цзе сонно ковырялся вилами в навозной куче. На стенах ободряюще кружились молитвенные мельницы.

Он сделал знак, которым пророк Ишкибль отгнал духов.

— Чур, чур меня, демон, — пробормотал он.

— Что ты вертишься? Слушай, давай просто поговорим. Я прямо у тебя за спиной.

Брута медленно обернулся. Сад был пуст.

Тут Брута не выдержал и удрал.

Многие истории начинались задолго до их начала, и повесть Бруты не исключение. Она началась за многие тысячи лет до того, как он появился на свет.

В мире существуют миллиарды и миллиарды богов. Их тут как сельдей в бочке. Причем многие из богов настолько малы, что невооруженным глазом их ни в жизнь не разглядишь, — таким богам никто не поклоняется, разве что бактерии, которые никогда не возносят молитв, но и особых чудес тоже не требуют.

Это мелкие боги — духи перекрестка, на котором сходятся две муравьиные тропки, или божки микроклимата, повелевающие погодой между корешками травы. Многие из мелких богов остаются таковыми навсегда.

Потому что им не хватает *веры*.

Но некоторые делают весьма успешную карьеру. Помощь может прийти буквально отовсюду. Пастух находит в зарослях шиповника потерянного ягненка и, не пожалев пары минут, строит пирамидку из камней, чтобы поблагодарить духов, которые там обитают. Или какой-нибудь корень причудливой формы люди ни с того ни с сего начинают связывать с исцелением от болезней. Или кто-то вырезает спираль на большом валуне.

Богам нужна вера, а людям нужны боги.

Иногда этим все и ограничивается, но иногда идет дальше. Добавляются камни, возводятся купола, на том месте, где некогда росло дерево, строится храм. Бог набирает силу, а людская вера толкает его вверх, как тысяча тонн ракетного топлива. Для некоторых только небо — предел.

А кое-кого даже небо не остановит.

Брат Ньюрод усиленно боролся с нечистыми мыслями в уединении своей строгой кельи, когда из опочивальни послушников до него донесся чей-то пылкий голос.

Мальчик Брута дрожал и бормотал отрывки молитвы, распростершись лицом вниз перед статуей Ома в Его высочайшем проявлении в виде молнии.

«В этом пареньке всегда было что-то жутковатое, — подумал Ньюрод. — Когда ты что-нибудь говоришь ему, он смотрит на тебя так, будто действительно слушает...»

Ньюрод подошел и ткнул распростертого юношу концом посоха.

— Встань, мальчик! Что ты делаешь в опочивальне посреди дня? Гм-м?

Брута мигом развернулся, и в лодыжки жреца впились мальчишечьи пальцы.

— Голос! Голос! Я слышал голос! — взвыл паренек.

Нюмрод облегченно вздохнул. Тема была знакомой. Голоса — это епархия Нюмрода. Он слышал их постоянно.

— Встань, мальчик, — повторил он чуть более ласково.

Брута поднялся на ноги.

Нюмрод поморщился. Эх, лет бы на десять помладше. Слишком паренек большой для послушника. Сам Нюмрод всегда говорил: «Дайте мне мальчика лет семи...» И так далее.

Будущее у паренька незавидное. Так и помрет послушником. Правила строгие и никаких исключений никому не делают.

Брута поднял свое большое раскрасневшееся честное лицо.

— Сядь на кровать, Брута, — велел Нюмрод.

Брута немедленно повиновался. Паренек не знал значения слова «неповиновение». Это слово было одним из многих, значения которых он не знал.

Нюмрод опустился рядом.

— Итак, Брута, — тихо произнес он, — тебе известно, что происходит с людьми, которые говорят неправду?

Брута кивнул и покраснел еще больше.

— Очень хорошо, а теперь расскажи мне про голоса.

Брута нервно мял в руках край рясы.

— Скорее, это был один голос, учитель.

— Один голос... — повторил брат Нюмрод. — И что этот голос говорил? Гм-м?

Брута замялся. Если задуматься, ничего особен-

ного голос не сказал. Просто говорил, и все. А вот общаться с братом Ньюродом было непросто: у наставника имелась неприятная привычка прищурившись смотреть на ваши губы и постоянно повторять несколько последних сказанных вами слов.

К тому же брат Ньюрод постоянно что-то трогал — стены, мебель, людей, — как будто боялся, что вселенная пропадет, если он перестанет за нее держаться. А еще у него было такое количество нервных тиков, что им приходилось выстаиваться в длинные очереди. Хотя для человека, прожившего в Цитадели целых пятьдесят лет, брат Ньюрод был не так уж плох.

— Ну... — начал Брута.

Брат Ньюрод поднял костлявую руку. Брута увидел на ней синеватые вены.

— Надеюсь, ты знаешь, что каждый верующий может слышать голоса *двух* типов? — осведомился наставник.

Одна бровь у него задергалась.

— Да, учитель, брат Мурдак рассказывал нам об этом, — смиренно признал Брута.

— Рассказывал вам об этом... Да. Иногда Он со свойственной Ему безграничной мудростью Господа выбирает человека и разговаривает с ним. Позднее этот человек становится пророком, — кивнул Ньюрод. — Хотелось бы надеяться, что ты в пророки не метишь. Гм-м?

— Нет, учитель.

— Нет, учитель... Но есть и *другие* голоса, — продолжал брат Ньюрод с некоторой дрожью. — Обманчивые, льстивые, убедительные... Голоса, которые вечно пытаются заставить нас врасплох.

Брута несколько успокоился. Эта тема была более привычной.

О голосах такого типа знали все послушники. Правда, обычно эти голоса нашептывали о достаточно незатейливых вещах — например, об общей привлекательности ночных манипуляций и крайней соблазнительности девичьих тел. Но голоса, которые обычно слышал брат Ньюрод, представляли собой настоящую ораторию. Некоторые послушники посмелее любили вызывать брата Ньюрода на откровенный разговор о голосах, называя эти беседы крайне познавательными. Когда брат Ньюрод особенно распалялся, в уголках его рта появлялись беловатые капли слюны.

Брута стал внимательно слушать.

Брат Ньюрод был наставником, но не самым главным. Он всего-навсего приглядывал за небольшой группой послушников, в которую входил Брута. А были и другие наставники. Возможно, кто-нибудь в Цитадели знал, сколько наставников всего. Должен же быть человек, в обязанности которого входит знать все-превсе.

Цитадель занимала центр города Ком, расположившегося между пустынями Клатча и равниноджунглями Очудноземья. Она протянулась на многие мили, ее храмы, церкви, школы, опочивальни, сады и башни наползали друг на друга и вырастали друг из друга так, словно миллиарды трудоголиков-муравьев пытались одновременно построить бесчисленное множество муравейников.

На рассвете от дверей центрального храма ослепительным огнем отражалось солнце. Двери высотой в сто футов были выкованы из бронзы, и на них золотыми буквами в оправе из свинца были нанесены Заповеди. Всего Заповедей насчитывалось уже